

Век Анастасии: ретроспектива

Окинем взглядом тихую и вроде бы незаметную жизнь жены Ивана IV. Это особенно важно, поскольку новая династия началась отроостком от неё. Значит, было что-то сверхважное в её аккомпанементном присутствии в жизни русского монарха.

Братья юной Анастасии, Данила и Никита, воспитывались и росли вместе с мальчиком Иваном сызмальства. Девочка запомнила поразившее её обстоятельство: у гроба почившей царицы рыдали только восьмилетний Иван и его опекун Иван Фёдорович Телепнёв-Оболенский. Остальные бояре и князья лишь притворялись опечаленными, пряча усмешки и ядовитые улыбки в густые бороды.

Началась тирания новых опекунов, братьев больше во дворец не приглашали. И связь с Иваном девочка на время утратила. Она знала, что мамку мальчика сослали в Каргополь, а Телепнёва казнили. Но в 1543 году ситуация резко поменялась. По приказу юного самодержца глава угнетателей князь Андрей Шуйский был растерзан псарями, а место «ближних государя» заняли дядя царевича Юрий и Иван Глинские. Данилу и Никиту вновь позвали во дворец. Вместе с Иваном они ездили на охоту, по монастырям на церковные праздники, по дальним и ближним городам, весело пировали. Молодой государь любил общество ровесников, в котором был заводилой и главарём. «Золотая молодёжь» часто устраивала всевозможные проказы, иногда жестоко шутила над неугодными боярами. Сама рано потеряв отца, Анастасия понимала, что юношеская жестокость великого князя – следствие сиротства, и жалела приглянувшегося ей юношу.

Однажды, когда Анастасии было уже четырнадцать лет, с братьями и матерью она отправилась на праздничную Рождественскую службу в Успенский собор. Там присутствовал весь цвет знати во главе с великим князем. После литургии государь подошёл к семье Захарьиных, чтобы перемолвиться с Данилой и Никитой о предстоящей охоте. Горящий взгляд его тёмно-серых глаз внезапно остановился на Анастасии. Она была очень красива в светлой беличьей шубке, крытой голубым сукном, в расшитой бисером шапочке, из-под которой виднелась длинная русая коса.

Девушка, заметив его взгляд, покраснела и притупила взор. Потом, набравшись смелости, подняла на великого князя большие голубые глаза и с удивлением обнаружила, что тот слишком внимательно её разглядывает.

Конечно, государю дозволено всё, но всё же воспитанная в боярском тереме Анастасия сочла его поведение дерзостью, тем более что за спиной уже раздавался громкий шепоток кумушек-сплетниц. Закусив

губу, она сердито посмотрела на нахала, но тот лишь улыбнулся. Боярышне не оставалось ничего другого, как сменить гнев на милость и ответить тем же.

С тех пор братья не раз вводили Анастасию в краску, сообщая, что великий князь Иван интересуется ею и хочет увидеть вновь. При этих словах сердце девушки трепетало, но она твёрдо заявила, что ни о каких тайных свиданиях речи быть не может. Хоть она и сирота, но родовую честь ронять не намерена и потакать прихотям государя не собирается.

Несомненно, красивый и статный Иван давно нравился юной боярышне. Отныне же все тайные думы Анастасии посвящались молодому государю.

Как-то раз мать Анастасии узнала, что в Москву прибыл святой старец из Костромы. Он славился своей богоугодной жизнью и обладал даром пророчества. Боярыня тут же пригласила его в свой дом на Варварке, чтобы узнать судьбу детей. Старец посмотрел сначала на старшего Данилу, потом на Никиту, наконец его взор остановился на Анастасии. После небольшой паузы он вдруг сказал твёрдо: «Быть тебе государыней, а братья будут служить тебе и твоему мужу Ивану Васильевичу».

(Из жития Геннадия Костромского: «Некогда же случится святому прийти в Москву, и прият был честно от боярыни Иулиании Федоровны, жены Романа Юрьевича, благословения ради чад её, Даниила и Никиты, и дщери ея, Анастасии Романовны». Благословляя детей прабабки Михаила Романова, прозорливый Геннадий сказал Анастасии: «Ты, ветвь прекрасная, будешь нам царицею».)

Это предсказание всех удивило и даже испугало. Мать Анастасии Ульяна Фёдоровна приказала детям никому о нём не говорить. Завистников и наушников кругом предостаточно. Если об этом узнают в окружении великого князя, то *вряд ли дадут Анастасии дожить* до свадьбы. Ведь дочери-невесты были у многих князей и бояр, все они мечтали породниться с государем.¹

Между тем Иван не только гонял по России, везде властно требуя свежих лошадей, он любил и уединяться с чтением духовных и исторических сочинений; он погружался в текст целиком. Книга была для него предметом напряжённых размышлений и острых переживаний. Его влекло к ней не бескорыстное и отвлечённое чувство учёного или просто любителя умственных развлечений; в древних текстах Иван искал и находил примеры, поучения, предсказания и пророчества, касающиеся своего времени и себя лично. С детства создав себе свой идеал государя, Царя Царей, наследника всемирной государственно-религиозной традиции – рим-

¹ По: Морозова Л. Е. *Затворницы*. М., 2005; стр. 254-255.

ского цезаризма и греческого православия, он почерпнул в книгах уверенность в том, что прежде было только догадкой: этот государь – он сам.¹

Вот этот Иван углублённый, Иван сосредоточенный мыслитель и книголюб и стал магнитом для неординарной женственности Анастасии. С этим Иваном она могла, соединившись, образовать «двустворчатую раковину». Он был тоже к этому готов.

13 декабря 1546 года Иван позвал к себе митрополита Макария и объявил, что хочет жениться. На следующий день митрополит отслужил молебен в Успенском соборе, после чего пригласил духовенство и всех бояр, даже опальных, к великому князю, который держал перед ними такую речь: «Милостью Бога и Пречистой Его Матери, молитвами и милостью великих чудотворцев Петра, Алексея, Ионы и Сергия положил я на них упование, а у тебя, отца своего, митрополита, благословясь, помыслил жениться. Сперва думал я жениться в иностранных государствах, у какого-нибудь короля или царя, но потом я эту мысль отложил, – не хочу жениться в чужих государствах, потому что я после отца своего и матери своей остался мал: если я приведу себе жену из чужой земли и в нравах мы не сойдёмся, то между нами дурное житьё будет. Поэтому я хочу жениться в своём государстве, у кого Бог благословит».

Такая предусмотрительность умилила бояр до слёз. Вот, говорили они, царь так молод, а уж так много подумал, ни с кем не посоветовавшись, от всех утаившись, и такие разумные речи перед мужами ведёт. А молодой государь продолжал удивлять мудрых мужей. «По твоему благословию – говорил он дальше, обращаясь к Макарию, – и с вашего боярского совета, хочу прежде своей женитьбы поискать прародительских чинов» – и так далее, о венчании на царство.

И хотя в этот момент судьба Анастасии была решена, Ивану пришлось разыгрывать целый спектакль со «смотром невест», дабы никого не обидеть. Из огромной «ярмарки» оставили на «финальный тур» сначала тридцать, потом двух: Анастасию и дочь Василия Шуйского (понятно, почему её). В двух креслах они ждали жениха. Но вот в палату стремительно вошёл Иван в сопровождении своих дружек, Д. Ф. Бельского и И. М. Юрьева, дяди Анастасии. Царь свёл со своего места дочь Шуйского и сел рядом с Анастасией. Выбор состоялся.

Затем Иван со своим окружением отправился верхом на коне в Успенский собор. Туда же со своими дружками и свахой на конях поехала и Анастасия. В соборе их ждал митрополит. Он благословил молодых и сказал им такое напутственное слово: «Сейчас таинством Церкви вы соединены навеки. Вместе поклонитесь Всевышнему и живите в добродетели, а добродетель ваша есть правда и милость. Государь! Люби и чти супругу, а

¹ По: Соколова И. М. *Мономахов трон*. М., 2001; стр. 73.

ты, христоролюбивая царица, повинуйся ему. Как святой крест – глава Церкви, так и муж – глава жены. Исполняя все заповеди Божии, узрите Царство Небесное и дадите мир и покой стране».

После венчания Иван и Анастасия вышли на Соборную площадь, где их радостно приветствовали тысячи москвичей. Перед новобрачными шествовал Данила, как бы расчищая путь. В Столовой палате всё было готово для праздничного пира. Молодых посадили за особый стол на возвышении.

Пока гости пировали, новобрачные отправились в сени, где на снопах ржи для них было устроено ложе. Утром после бани они вновь сели за праздничный стол. Веселье продолжалось три дня. Затем Иван и Анастасия пешком отправились в Троице-Сергиев монастырь, где всю неделю Великого поста молились у гроба Сергия Радонежского. Они были очень счастливы и надеялись, что впереди их ждёт долгая совместная жизнь.¹

Так Россия получила новую царицу – наверно, лучшую из всех.

Потом был пожар и бегство из Кремля в Воробьёво. После бунта Иван хотел жестоко расправиться со смутьянами, убившими дядю Юрия, но Анастасия отговорила: мщение лишь отвратит от царя простой народ, и так уже пострадавший во время боярского правления. Пожар, – сказала она, – Божье наказание за беззаконие и угнетение бедных христиан. То же говорил и поп Сильвестр, но более упирая на недостатки и промахи Ивана.

Это привело к перевороту в душе молодого монарха; он выступил с покаянными речами. Особенно пронзительно звучала речь на Лобном месте. «Вы знаете, – говорил Иван исповедально и истово, – что после отца остался я четырёх лет, после матери – восьми. Родственники обо мне не заботились, сильные мои бояре и вельможи обо мне не радели и были самовластны. Сами себе моим именем присваивали саны и почести, упражнялись в хищениях и корысти. По молодости и беспомощности я был глух и ничего не слышал. Теперь же я потребую ответа от всех лихоимцев, хищников и неправедных судей». После этого царь поклонился и продолжал: «Люди Божии, дарованные мне Богом! *Молю вас о любви ко мне.* Оставьте вражду друг к другу. Теперь я буду ваш справедливый судья и защитник. Буду неправды разорять и похищенное возвращать».

Нет сомнений, что содержание своего обращения к народу Иван обсуждал с женой – ближайшим другом и соратницей. Наверняка она перекрестила его, провожая на Лобное место. Потом, стоя на кремлёвской стене в специальной башенке, Анастасия наблюдала за тем, что происходило на площади. Она видела: простые люди внимательно слушают Ивана, верят каждому слову государя и готовы сплотиться вокруг него и поддержать любые начинания. Особенно тронули всех слова о любви – её ме-

¹ По: Морозова Л. Е. *Затворницы*. М., 2005; стр. 261-262.

сто в речи. Иван стал и в самом деле объектом народной любви. Его расчёт оказался верным. Значит, с боярским самоуправством будет покончено навсегда.

После пожара забот у них было невпроворот. Надо было восстанавливать всё сгоревшее хозяйство, дворец, свой дом. Деревянные наверху каменных зданий, где любили ночевать царь и царица погибли. Работа закипела. Вскоре к каменному комплексу парадных палат пристроили четыре деревянные избушки-комнатки для Ивана: сени, приёмную, крестовую для икон и священных даров и спальню. Анастасии хватило и трёх, но с третьим этажом-чердаком, где устроили светлицу с множеством окон для мастериц-рукодельниц. Вокруг неё шла открытая галерея с башенками и затейливой резьбой – для прогулок.

Чердак-светлица и галерея-гульбище так полюбились Анастасии, что она проводила здесь большую часть времени, когда царь отправлялся в деловые поездки. Царица не только руководила работой мастериц, но и сама садилась за пяльцы вместе с ними. Тепло её светлой души сохранила шитая Пелена «Голгофа» – вклад царя и царицы в ризницу Троице-Сергиева монастыря.

Несмотря на трагичность сюжета, шитая картина проникнута такой нежностью, что душа Анастасии зафиксировалась в ней в полноте. Шитьё настолько прекрасно по цвету, что впору говорить о художественном даровании русской царицы. С таким же вкусом выполнена и её шапочка-волосник с ромбовидным орнаментом. Безусловно, это её собственная работа – столько в неё вложено души, той же самой, её собственной. Она же руководила изготовлением парадных одежд и для царственного супруга. Крой, моделирование, подбор тканей, стиль орнаментики и фурнитуры – всё её.

Для исполнения заказов по её указанию неподалёку от дворца построили специальные мастерские, получивши название царицыных. В них собрали множество ткачих, швей, вышивальщиц, которые вскоре стали не только мастерить всё необходимое для царской семьи, но и шить вещи на продажу, что приносило дополнительные доходы.

Одежда, короны, скипетр (жезл) описаны многими иностранцами, бывшими на царских приёмах, но то, что к одежде имела отношение сама царица, мало кто знал. Ночевали они каждый в своём доме, но когда царь посещал царицу по любви, звонили в колокола, столь важным считалось производство царских наследников. В колокола били очень часто: Анастасия почти постоянно была на сносях.

Дочь Анна родилась 10 августа 1549 года, однако прожила всего год. Вторая дочь, Мария, появилась на свет 17 марта 1551 года, но тоже не задержалась по сю сторону бытия. Для молодой царицы это стало большим ударом. Она решила, что Бог за что-то наказывает её семью.

Чтобы замолить грехи, Иван и Анастасия начали предпринимать длительные богомолья по монастырям и делать щедрые вклады. Часто это были шитые пелены её собственной работы. В 1550 году она подарила Переяславскому собору покров с изображением Никиты Столпника. В житии этого святого подробно описано, как был изготовлен этот покров: «Царица Анастасия своими руками, своим боголепным трудом вышила на плащанице из дорогой камки венединской образ великого чудотворца Никиты и золотой каймой обложила, и слова серебром по кругу вышила, а имя чудотворца дорогим жемчугом и камнями, бисером многоцветным украсила. Потом сама положила на его раку свой подарок».¹

Вслед за ним последовал вышитый на голубом атласе покров на раку митрополита Ионы в Успенском соборе; в 1553 году возложение покрова состоялось. На нём митрополит изображён в полный рост, руки подняты к груди, левая держит Евангелие с Голгофским крестом на окладе, пальцы правой сложены для благословения. На митрополите саккос с вышивкой в кругах крестами, на голове круглая шапочка с херувимом в центре. Нимб золотой и украшен жемчугом. Лик Ионы широкий, с длинной седой бородой, взгляд спокойный и глубокий. И как всегда – нежность, тонкость и живописность.

Но вот пришло время Казанской эпопеи. Анастасия (отметил летописец), проводив мужа, вернулась в свой терем, «как ласточка в гнездо». Там она предалась великой печали и тоске, с горькими сетованиями и слезами (она вновь была на сносях). Она боялась, что с её горячо любимым супругом могут произойти разные беды в далёком и трудном походе против коварных казанцев. По словам летописи, «как светлая звезда закрывается тёмным облаком и меркнет, так и царица закрылась в палате своей от скорби и печали. Затворив все оконца, она сказала придворным, что не желает видеть света белого до тех пор, пока муж не вернётся домой с победой».

Несколько месяцев провела Анастасия в беспокойном ожидании. Наконец сообщили, что из Казани прибыл её брат Данила с сеунчем – радостным известием о победе. Казань была взята. Оставалось дожидаться самого Ивана, который на судах плыл по Волге домой.

Анастасия вместе с Юрием отправила Ивану поздравление, которое он получил в Нижнем Новгороде, где войско сопровождения пересело на коней и быстрыми перегонами отправилось к Москве. Царица писала, что рада приветствовать Ивана Васильевича в новой его отчине Казани и желает ему здравствовать долгие годы.

На радостях Анастасия разрешилась от бремени крепким младенцем. К отцу тут же отправили гонцом Василия Траханиотова. Мы помним, как

¹ По: Морозова Л. Е. *Затворницы*. М., 2005; стр. 271-273.

Иван отреагировал на новость. Наследник, наконец, появился – теперь можно было вздохнуть свободно. Победа оказалась двойной. И во втором случае участие Анастасии стало решающим.

К ней с горячими поздравлениями и дорогими подарками немедленно отправили её брата Никиту. Иван по дороге домой воздавал хвалу Богу во всех встреченных на пути храмах и делал щедрые вклады в монастыри. Специально заехал в Суздаль, Владимир и Троицу Сергиеву. И везде мать-царица была виновницей торжества.

1 ноября состоялся триумфальный въезд победителей в столицу. По этому поводу митрополит Макарий выступил с речью: «Веселись, о царю, любезный Богу и отечеству. Даровав победу, Всевышний даровал тебе и вожденного первородного сына! Живи и здравствуй с добродетельной царицей Анастасией и юным царевичем Дмитрием, с братьями, боярами и всем православным воинством в богоспасаемом царствующем граде Москве и на всех царствах, в сей год и в предыдущие многие, многие лета. А мы те, государю благочестивому, кланяемся».

После официальных торжеств Иван заспешил во дворец к жене и сыну. Анастасия, ещё не оправившаяся от родов, лежала в постели. Но, увидев супруга, столь долгожданного и дорогого, превозмогая слабость, бросилась к его ногам. Иван тут же поднял её и на руках отнёс в постель. Оба плакали от радости. Потом кормилица принесла младенца, и счастливый отец смог полюбоваться на своего крепыша-наследника. Счастье Ивана и Анастасии было полным. Целую неделю Иван не желал никого видеть, кроме жены и малютки-сына.

В последовавших за этим пирах Анастасия была главной распорядительницей: декор, выбор посуды и яств лежал на ней. Заметим, что любовь ко всяким изысканным и вычурным изделиям была родовой чертой Анастасии: в их доме на Варварке отец и мать собирали не только редкую посуду, но и всевозможные ящички, ларцы, шкатулки, диковинные фигурки из воска и даже часы. Все эти особенности проявятся при создании одного известного архитектурного сооружения.

На праздничном пиру не только ели. Все отличившиеся под Казанью воины получили от царя щедрые подарки: одни – шубы (все они были сшиты в мастерских Анастасии), другие – драгоценные кубки, доспехи, соболей связками, дорогие ткани, коней, деньги и т.д. На всё это из казны было потрачено 48 тысяч рублей (эта цифра у нас уже появлялась) – гигантская сумма по тем временам (годовая дань орде составляла около 8000 рублей). Такая неслыханная щедрость конечно была подогрета двойной радостью в связи с рождением наследника. Самых выдающихся полководцев наградили большими земельными владениями. Наиболее щедро одарили Владимира Старицкого.

После многодневных пиров царственная чета отправилась в Троицу, где, по обычаю, крестили маленького Дмитрия. Там празднества продолжались, но уже в честь наследника и его матери, Анастасии.

Увы, мы помним, что было дальше: болезнь царя и распря у смертного ложа. Народ глухо говорил: «Видать, грехи наши безмерны, раз Небо отнимает у нас такого государя!» Что в это время было с Анастасией, можно только вообразить. На руках маленький сын, по стране гуляет моровое поветрие, названное «железой», и хотя Иван, судя по всему, подхватил тяжёлое воспаление лёгких, страх за здоровье ребёнка не покидал бедную мать. Мужу же она ничем помочь не могла – только молила Бога о выздоровлении. Слыша сквозь полубред распрю около своего ложа, он больше всего страшился за судьбу горячо любимой супруги и сына. Ведь в случае воцарения другого претендента (даже сверх меры обласканного Владимира Андреевича) Анастасию ждало пострижение в отдалённом убогом монастыре, а Дмитрия – скорая и безвестная кончина в темнице. Такой обычно была судьба нежелательных соперников.

Из последних сил царь вновь велел позвать бояр и обратился к ним с такими словами: «В последний раз требую от вас присяги сыну моему. Целуйте крест перед ближними князьями моими, Мстиславскими и Воротынскими». Затем он повелел остаться наиболее верным людям и попросил их не допустить вероломного убийства царевича Дмитрия: «Спасите его, *бегите с ним в чужую землю*, куда Бог укажет вам путь». Захарьиным же он сказал: «Что ужасаетесь? Поздно щадить вам мятежных бояр: они вас не пощадят, первыми станете мертвецами. Будьте мужественными и вступите в бой за сына моего и за его мать. Не дайте жену мою на поругание изменникам!»

И это прямо вслед за раздачей неслыханных даров после победы! Воистину: сколько волка не корми, всё в лес смотрит! Какой «опричный террор»? *Этот* террор, *изменнический*, когда в 23 года (!) законный монарх государства призывает *последних верных*, схватив в охапку наследника престола, *бежать* из “отечества” куда глаза глядят! С каким «опричным террором» этот ужас может сравниться?!

Поведение Владимира Андреевича было особенно возмутительно. Ведь, начав царствовать самостоятельно, Иван освободил двоюродного брата из темницы (где Владимир содержался по указанию Елены Глинской), приблизил к себе, осыпал почестями и дарами, позволил жениться и обустроить свой дом в столице (как удельному князю, тому полагалось жить в Старице). За все царские благодеяния брат собирался отплатить самой чёрной неблагодарностью. Скажут, подзуживала мать Ефросинья. Но после женитьбы Владимира на Евдокии из рода Нагих в 1551 году, они

с царём стали дружить семьями. Ефросинья Старицкая покровительствовала невесткам и обучала их всякому рукоделию. Под её началом трудилось множество девушек-вышивальщиц, изготавливавших очень красивые покровы, плащаницы, пелены и воздухи для подарков монастырям и церквям. У Анастасии была хорошая учительница.

И вдруг – волчьи зубы, львиный рык, угроза, которая, если бы не выздоровление Ивана, кончилась бы трагедией молодой царицы. Какой «опричный террор?»! Лютее и подлее *этой* ситуации ничего быть не может. Это – *полюс зла*. Бедный Иван! Бедная Анастасия!

Серьёзность притязаний Владимира Андреевича на престол – несмотря на то, что он был сын четвёртого¹ по счёту, самого младшего удельного князя – основывалась на «законности» совсем другого рода – его неоспоримой принадлежности к династии Калиты. То есть, в марте 1553 года очень и очень многие бояре (скорее всего, даже большинство) вдруг снова вспомнили о слухах, ставивших под сомнение законнорожденность Ивана. Власть царствующего «выблядка» от связи князя Оболенского и литвинки Глинской была утверждена официально и освящена авторитетом Церкви – тут поделаться ничем было нельзя. Иное дело Дмитрий – без присяги он не обладал никакими правами на престол. И можно представить, как скрежетали зубами бояре, когда их заставили целовать крест ничтожному младенцу, сыну незаконнорожденного царя и какой-то Анастасии Захарьиной. Хорош государь! Служить такому – да это же поруха боярской чести! И вот решено было дать бой...

Душой заговора была эта самая «учительница вышивания» и мать Владимира Андреевича. Княгиня Ефросинья чувствовала свою правоту именно как женщина, как мать единственного законного представителя Калитиной династии и именно в этом чувстве черпала она силы и энергию в мартовские дни 1553 года.²

Иван держал руку на пульсе слуха, не прятался от него. В сочинениях Ивана «Пересветова» встречается такая фраза: мол, толковали в Литве тамошние «философы и дохтуры» про «государя, благоверного царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси»; что «придёт от него, государя, охула от всего царства... и будут его, государя, хулити, *не ведаючи его царского прирождения...*»³

Мать могла и не сказать ему правду впрямую, но по отношению к нему Овчины мальчик понял всё. Сказал ли он о своей догадке Анастасии? Наверняка она знала тайну. Тем больше любила, тем больше жалела.

¹ Из письма к Курбскому.

² По Соколова И. М. *Мономахов трон*. М., 2001; стр. 193-194.

³ Соколова И. М. *Мономахов трон*. М., 2001; стр. 195.

И тем страшнее выглядела «замятня у ложа», поскольку полумёртвого Ивана брали за глотку холодными пальцами именно *этого* секрета. Поэтому Ивану пришлось ободрять даже шурьев Захарьиных, которые казалось бы, должны были стоять за Дмитрия до последнего. Безоговорочно опереться Иван мог только на одного человека – на Анастасию. Вот что значила эта великая женщина в русской истории. Иван недаром писал о ненависти, вспыхнувшей между ней и его окружением. Своим отказом присягнуть царевичу Дмитрию оно (и «избранная рада» особенно) нанесло Анастасии незабываемое, смертельное оскорбление.

Доверительное отношение Ивана к ближнему (полу)кругу на этом кончилось – на смену пришла осмотрительность и подозрительность. Но когда ситуация рассосалась в смысле болезни, всё вроде осталось по-прежнему. А что было делать затравленному, преданному и проданному русскому царю?¹

Дни болезни врезались ему в память не покидавшим ни на минуту страхом. Он помнил предательство у своего смертного ложа, представлял гибель жены и сына. В чём же сила самодержца, если он не может защитить своего собственного ребёнка? Распри были забыты через несколько дней, недуг продлился чуть более недели, но оставил раны, которые никогда не затянутся. Отныне Иван не будет доверять никому, даже самым близким. Только жене.

Напряжёнными стали отношения с Владимиром Старицким. Хотя они по-прежнему появлялись вместе на парадных церемониях, дружеские отношения отошли в прошлое безвозвратно. Так же к нему стала относиться и Анастасия.

Когда с подписанием духовной грамоты было покончено и страсти поухили, Анастасия пришла к мужу вместе помолиться о его выздоровлении. Супруги договорились, что если Бог их помирует, то в благодарность они всем семейством отправятся на богомолье в далёкий Кирилло-Белозерский монастырь. Царица со своими вышивальщицами *как раз закончила работу над новым покровом на раку святого Кирилла Белозерского*.

Когда Иван выздоровел, он по совету жены не стал предавать опале всех, кто отказывался служить его сыну. Анастасия полагала, что не стоит вносить в общество раскол и вновь обагрять руки кровью неугодных. Раз Бог спас Ивана от смерти, то следует с ещё большим рвением исполнять его заповеди.

История подробно зафиксировала, что произошло в дороге. Анастасии не терпелось доставить покров на место и тем угодить великому угоднику

¹ По Соколова И. М. *Мономахов трон*. М., 2001; стр. 196.

Божию, а Иван хотел угодить жене. Так они и угодили в западню судьбы. Всё получилось по любви, но ребёнок погиб. «В высокие деревья ударяет молния». А Иван был *высоким деревом*.

Но самое прекрасное создание эпохи Ивана IV было вдохновлено всё же именно Анастасией. Речь идёт о храме Покрова Пресвятой Богородицы «на рву», более известном как храм Василия Блаженного. В 1553 году на вершине холма неподалёку от Лобного места поставили деревянную церковку-теремок с куполом. Но победа под Казанью требовала более масштабного памятника посвящённого покровительству, Покрову Богоматери, защитившей Русь от многовекового татарского ига. В 1555 году деревянную церковь разобрали и на её месте стали строить под руководством псковского архитектора Постника Яковлева по прозвищу Барма (Абрам?) новое каменное сооружение: маленький ярмарочный священный город, гору, утыканную церквями. Иван, как гностик и эзотерик, заказывал восемь приделов, но к идее прикипела Анастасия, и приделов стало девять. Для него важно было число Бога-отца, структура и числовая символика крестчатого нимба – как на «Четырёхчастной»: пересечение двух квадратов и было положено в основу плана храма. Одновременно вершины квадратов обросли (или: проросли) однокупольными церковками, не повторяющими друг друга ни пропорциями, ни орнаментальностью. Предельное разнообразие является основным конструктивным заданием архитектурного плана. За счёт декора и раскраски храм производит впечатление крайней сказочной фантазийности и визуальной энигматики по принципу «hide and sick». Или: «найдите десять отличий etc.». Каменный пояс стягивает воедино всю эту «грибную друзу», давая понять, что некоторая легкомысленность верха держится на основательности и глубокомысленности низа, фундаментальности, «Иезодности». *Иезод – Девятая* сефира Кабалистического древа, астральный символ которой – Луна, божество-покровитель – египетская Изиды. Славянское (индоевропейское) «девять» связано с созвездием *Дева*, рождением в котором “отметился” царь Иван. Вот почему – помимо чисто женской смысловой эгоистичности – Анастасия не столько изменила замысел мужа, но добавив к нему ещё один элемент, спрятала внутрь, замаскировала. Восемь это: *в О семь* (7); точно так же девять содержит внутри лемнискату восьмёрку. Восьмой аркан Тарота – *Фемиды, Правосудие*. Внутри картинки аркана изображена сидящая на судейском троне богиня правосудия с весами в правой руке. А в глубине – видима или невидима – располагается стоя богиня наказания Немезиды с карающим мечом в правой же руке. Восемь арабская состоит из как бы

слепленных воедино двух окружностей; это как нельзя лучше представляет нам дуэт богинь восьмого аркана.

Кстати, на мафории Богоматери также изображается восьмиконечная (крестчатая) звезда, указывающая на Её причастность Богу-Отцу и Божественному Сыну. Эта звезда и запечатлена на плане *собора* (здесь это слово особенно уместно, ибо мы присутствуем на собрании, соборе *девяти*); шатрововидная башня в центре организует вокруг себя весь хоровод разновысоких, разностильных, «разномастных» башенок-церквушек. От закона симметрии остались одни рожки да ножки. Основание собора сделано сводчатым, что позволяет пройти в просторную подземную галерею с остатками одиннадцати деревянных часовен, некогда стоявших по периметру Красной площади. Это таинственное «одиннадцать внутри» сродни сверхординарной Сефире *Даат* Кабалистического древа, Одиннадцатой по счёту. Даат-Знание; она сакрально отсылает к обращению Христа к избранным Своим: «И познаете Истину и Истина сделает вас свободными», где Истина – Он сам. Это – твёрдая пища учения Христа; для остальных – *мягкая пища* веры. (Кстати, Одиннадцатый Аркан Таро – *Сила*; на картинке – сублильная девушка, которая двумя пальцами сводит челюсти рычащего льва. Он имеет прямое отношение к делу.) Архитектор (пскович, как и Переплав) ориентировался в смыслах – поэтому Иван и выбрал его для воплощения тонкого гностического замысла. Постник Яковлев наверняка бывал во дворце у царя, с которым детально проработал символику плана. Но он побывал и в апартаментах Анастасии и видел огромную коллекцию коробочек, шкатулочек, баночек, ящичков, пеналов, ларцов, дарохранильниц, страсть к собиранию которых досталась Анастасии по наследству. Постник увлёкся всей этой пестротой, своего рода «архитектурным конструктором» – горущку коробочек он и предложил в качестве проекта, чем вызвал неописуемый восторг царицы. В 1554 году родился сын Иван, ситуация стабилизировалась, стало можно предаться радости. Храм Покрова на рву – гимн радости, ода чистой и светлой душе русской царицы, её «ящичковой» детскости, наивности и доброте. Похожий на большой торт собор напоминал о пятипудовом сахарном Кремле, который изготовили повара по её заказу, и которым она потрясла праздничный пир, приготовив его напоследок. Герои казанского похода оценили выдумку царицы. Теперь кулинарное изделие заняло собой целый холм. Но эффект был тот же: «все так и ахнули!»

И был и ещё один важный смысл архитектурной символики храма. Превратив *восьмёрку* в *девятку* Постник Яковлев поставил в центре гностического целого Девятый аркан Тарота *Отшельник*. И вот тут вдруг выясняется, почему в названии храма – Василий Блаженный. Знаменитый

юродивый, провидец и предсказатель, ходивший нагим и зиму и лето, в веригах, которые никогда не снимал, пользовался общенародной любовью, почитали его и Иван с Анастасией. Родился старик в 1462 году и ко времени воцарения Ивана Васильевича был уже очень ветх. Царь с царицей посетили умирающего Василия в 1552 году, позже приняли участие в его похоронах на маленьком кладбище у Троицкой церкви на Красной площади. Когда над этим погостом начали возводить Покровский собор, Иван настоял, чтобы останки блаженного не трогали. К могиле с лежащими на ней веригами приходили люди, считалось, что здесь совершаются чудеса. Так Василий стал одним из московских святых. В 1588 году над могилой святого Василия, канонизированного в том же году, соорудили придел, который вошёл в ансамбль храма – сделал это царь Фёдор Иоаннович, сам полублаженный (род. в 1557 году).

Храм освятили первого октября 1559 года, после пяти лет строительства, в присутствии царя и царицы. Центральная башня ещё не была завершена, сооружение выглядело каким-то нескладным. В её отсутствие казалось, что конструкция изначально неверна, поэтому ничего не получается, возникают задержки в работе. Но впечатление было обманчивым. Когда башню достроили, она собрала в одно целое весь ансамбль, наделяя его осмысленностью и законченностью. В этом и был весь кунштюк. Постник Яковлев, он же Барма, не подвёл. Придел Василия Блаженного стал десятым элементом собора, доведя его до Кабалистической полноты.

Казалось бы: живи да радуйся!

Но в конце того же, 1559 года молодая, полная сил Анастасия вдруг занемогла. Началось с поездки на богомолье в Можайск – отпраздновать там день Николы Можайского, 6 декабря. Погода благоприятствовала поездке – ранние морозы сковали Москву-реку льдом, и она превратилась в удобную дорогу для санного проезда. Анастасия с маленьким Фёдором сели в крытую повозку, Иван мл. с дядьками – в другую. Царь с боярами и дворянами предпочёл ехать верхом. На ночлег остановились в Звенигороде, где 3 декабря отмечалась память основателя Саввино-Сторожевского монастыря св. Саввы. Радужные монахи накрыли в трапезной для гостей столы, но по случаю поста подавали лишь каши, овощи и рыбу. Но все наелись от души. 4 декабря снова тронулись в путь. Наконец, к вечеру 5 декабря под перезвон можайских колоколов царский поезд въехал в городские ворота. Наутро все собирались весело отметить местный праздник. Но радость была омрачена резкой переменной погоды. Началась неожиданная оттепель, лёд на реках угрожающе потемнел. К вечеру стало ясно, что обратно ехать на санях по льду уже рискованно. Развезло и дороги – белый снежок превратился в непролазное месиво. Можно было пе-

реждать ненастье у радушных можайцев, но с западной границы, которая проходила совсем недалеко от города, пришли тревожные вести. Польский король в отместку за разгромленную Ливонию собирался напасть на гнусных москвитов. Остаться в Можайске было опасно.

Анастасию опасность сразила наповал. Страх за детей так подействовал на неё, что она тяжело занемогла и слегла в жару. В этой сложной ситуации Иван мог рассчитывать только на расторопность и самоотверженность слуг, и прежде всего на окольного Алексея Адашева, который снова был в фаворе; именно он должен был по долгу службы обеспечивать безопасность и наилучшие условия царского передвижения. Однако тот фактически бездействовал, даже не смог достать лекарств для недужной царицы. С трудом Анастасию, закутав, уложили в повозку, впрягли в неё множество лошадей и отправились по бездорожью в обратный путь. Теперь уже приходилось часто делать остановки, ночевать, где придётся. Хотя царица и была очень слаба, но не сдержала гнева в адрес нерадивого Адашева, который не сумел организовать сносный ночлег и достать хорошую еду для маленьких её сыновей. Тот промолчал, но стал жаловаться придворным на грубость царицы, которой, по его мнению, он не обязан был подчиняться. Царь также возмутился поведением своего бывшего любимца, но больше всего его раздосадовал поп Сильвестр. Тот полагал, что лечить Анастасию не следует, её жизнь и здоровье в руках Божьих, а потому необходимо лишь молить Христа о милости. Хитрый рясофор надеялся, что болезнь унесёт царицу на тот свет, и он наконец-то избавится от её влияния на Ивана IV.

Только к концу декабря удалось добраться до Москвы. Царицу уложили в тёплую постель, вызвали к ней докторов, но состояние её не улучшилось. Полгода мучилась свет-государыня всея Руси от изнурительной, тяжкой болезни, причину которой доктора, как ни старались, установить не смогли. (Теперь уже известно, что в организме работал яд.)¹

Царь же сразу понял, в чём дело. Мать так же угасала от яда на его глазах. Теперь всё повторялось. Улыбки, клятвы в верности, крестоцелование, «искреннее» глядение в глаза, подобострастие, какбыдружелюбие –

¹ Современная наука ответила на этот вопрос. Через четыреста с лишним лет в результате исследований останков царицы учёные вынесли вердикт: Анастасия была отравлена. Медико-химическая экспертиза засвидетельствовала это с непрекаемой очевидностью. «Царицу Анастасию травил не только мышьяком, но и ртутью. Причём ртуть в её саркофаге обнаружена просто в невероятном количестве: 0,13 мг в костях (более чем в три раза превышение нормы), 0,3 мг в тлене (превышение нормы более чем в семь раз), 0,5 мг в погребальной одежде (превышение в 12 раз) и 4,8 мг в волосах (превышение нормы в 120 раз!)»

всё было фальшивым: за его спиной убрали его единственного и верного друга, мать его детей, талантливую государыню, помощницу в многотрудных делах. Её взяли на прицел, за ней шла охота. И он оказался беспомощен, не в силах предотвратить трагедию. Он сам под пристальным «стальным» наблюдением сидящих в засаде ловцов. И это при его вроде всемогуществе! – Он ужаснулся. История его царствования, история всей России преломилась пополам.

Накануне, весной ей стало немного лучше (русское богатырское здоровье), но летом в жару недомогание вернулось. Узнав, что есть знахарка Катарина Шиллинг, вдова из Дерпта, мастерица в своём деле, царь послал за ней. Расспросив, пообещал половину доходов дерптской епархии за жизнь супруги.

Анастасия вспыхнула надеждой и верой. «Ты поможешь мне, – сказала она ведунье. – Помоги!»

Но от действий Катаринины больной не полегчало. Наоборот. Молодая цветущая женщина стала чахнуть буквально на глазах. Всё больше и больше она походила на тень, а в июле 1560 года и совсем слегла. Иван отправил её во дворец в Коломенское, там было «воздушней» и спокойней, чем в Москве, уже задымлённой летними пожарами. Сам, чтобы отвлечься и забыться, возглавил службу пожарных. 17 июня пожар вспыхнул в районе Арбата, через пару дней – новый. Иван и Владимир Старицкий боролись с пламенем в окружении помогающих и стрельцов. Заботливый отец, он думал о строительстве нового дворца в Кремле для сыновей – семилетнего Ивана и четырёхлетнего Фёдора. 6 августа 1560 года был издан соответствующий указ. А на следующий день (7 августа в пятом часу) в Коломенском скончалась Анастасия. Недолгий век двадцативосьмилетней государыни-царицы земли Русской на этом кончился.

На похоронах Иван пронзительно рыдал, разрывая у окружающих сердца, едва стоял на ногах – его вели под руки. Страна погрузилась в траур.

Погребение состоялось в Вознесенском монастыре у Флоровских ворот. Тысячи москвичей провожали в последний путь любимую царицу, подлинную «мать отечества»; многие плакали навзрыд, прощаясь навсегда с драгоценностью Святой Руси.

Мирный, тихий, нежный Иван умер и был похоронен вместе с женой. Остался обугленный костяк.

Остались два сына, Покровский собор, осиротевшая Русь и безутешный Иван. «Вы почто меня с женой разлучили, зачем её очаровали и к гибели привели?» – гневно бросает он всему боярству и «ближним», прежде

всего Сильвестру и Адашеву. Он не мог поверить, что это был яд – за что её, кроткую «овцю Господню»? – А вот именно за это.

Один, без любимой жены Анастасии, Иван начал как безумный метаться по стране: менял дворцы, жён, приближённых, внешнюю и внутреннюю политику. Но нигде и ни в чём не мог найти ни счастья, ни умиротворения, ни покоя. Для страны и русского народа его горе и неприкаемость превратились в настоящую трагедию. Но и враги, и недоброжелатели вкусили по полной программе: «не буди лиха, пока тихо». «Скудоумие», на которое многие ссылались, “схваченные с поличным”, на самом деле соседствовало в них с подлостью и примитивной хитростью. Великодушие Ивана и его любовь к людям, которые поддерживала в нём Анастасия, остались без благой подпитки и адаптации. Россия потеряла *заступницу*. Каким «опричным террором» можно было сгладить это чудовищное преступление? Идиоты всегда пилят сук перед собой, а потом удивляются, как их сбросило с дерева. Самый умный и просвещённый русский царь был затравлен. Хитрыми, амбициозными и жестоковыми бездарями.

* * *

Джером Горсей, англичанин, вхожий к Ивану и любимый им, писал много лет спустя: «Государыня эта была умна и благочестива, её добродетели и умение управлять приобрели ей любовь и почитание подданных. И так как Иоанн был молод и развращён, то она управляла им с удивительной ловкостью и благоразумием».¹

Анастасия родила Анну (1549-1550), Марию (родилась и умерла в 1551), Дмитрия (1552-1553), Ивана (1554-1581), Евдокию (1555-1556), Фёдора (1557-1598).

¹ По: Пейн Р., Романов Н. *Иван Грозный*. М., 2010; стр. 189-191.